

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

БИНГО

Георгий Баженов

Бинго

«Баженов Георгий Викторович»

2006

ББК 84(2РосРус)6

Баженов Г. В.

Бинго / Г. В. Баженов — «Баженов Георгий Викторович», 2006

ISBN 978-5-711-70082-1

Верите ли вы, что вы вечны? Конечно, нет. (Конечно, да!) Верите ли, что будете жить после смерти? Конечно, нет. (Разумеется, да!) Верите ли в бессмертие души? Ну, нет! (Ой, все верят!) Вот о чем думают, чем мучаются герои нового романа Георгия Баженова «Бинго». Однако сколько в романе шуток и света, легких улыбок и фантастических ситуаций, веселой философии и авторской самоиронии, метаморфоз и розыгрышей! Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2РосРус)6

ISBN 978-5-711-70082-1

© Баженов Г. В., 2006

© Баженов Георгий Викторович, 2006

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Баженов

Бинго

Дочери Майе посвящаю.
Автор

Часть первая

Кто – некто – никто

*«...ужас ближе к тайне бытия, чем тоска, ужас духовнее, тоска
же душевнее».*
Н. А. Бердяев

Антон Иванович, внешне похожий на Георгия Баженова, автора этого романа, нажал на кнопку звонка.

Вошел заместитель Антона Ивановича Максим Владимирович.

– Слушай-ка, Максим, нельзя ли сделать так, чтобы... назывались мы не Департаментом... а, скажем, Академией?

– Надо посоветоваться с Еленой Михайловной.

– При чем тут Елена Михайловна?

– Ей же подписывать финансовые документы. Она главбух.

– Ладно тебе – главбух!

– Да можно, можно, конечно, Антон Иванович. Сейчас, сами знаете...

– Вот и договорились.

Через неделю на столе Антона Ивановича лежала папка с документами, из которых следовало, что отныне их Департамент преобразовывается в «Академию рецензирования». Приказом № 1 Антон Иванович назначил себя президентом Академии, Максима – вице-президентом, а Елену Михайловну – финансовым и исполнительным директором.

Кстати, штатных работников в Академии как раз три человека.

Странная штука – жизнь. Когда-то Антон Иванович заведовал крохотным отделом писем в небольшом столичном журнале. Потом была работа в другом журнале, третьем, в издательстве, в Доме печати, в газетном консорциуме, отделы назывались по-разному: отдел регистрации откликов, отдел по работе с общественностью, отдел стандартизации отзывов и бог его знает еще как...

В конце концов Антон Иванович открыл свое дело. Как только ни назывались его фирмы, последняя, например, так: «Департамент немедленного рецензирования». Заказы лились рекой. Многим предпринимателям, фирмам или компаниям хотелось иметь солидное заключение, набранное на гербовой бумаге, где бы черным по белому значилась наивысшая похвала от Департамента Антона Ивановича.

Антон Иванович помогал фирмам делать имидж, не только помогал, но и делал это вполне успешно. В таком случае отчего бы Департаменту не превратиться в Академию?

Так на свет появилась «Академия рецензирования», президентом которой, естественно, стал Антон Иванович Гудбай.

Антон Иванович любил работать дома, в собственной квартире. У него был большой кабинет, весь заставленный книгами; книги он не только читал и перечитывал, но обожал их, трогал, перекладывал, переставлял с места на место, одним словом – любил их беззаветно.

Надо сказать, что часто, когда он садился читать или писать, какая-то странная волна мечтаний-фантазий как бы подхватывала его на свое крыло и уносила в немыслимые дали...

В тот, первый свой день президентства, он захватил с собой папку, которую передал ему Максим Владимирович, и уехал домой. Дома он устроился в кабинете за большим письменным столом и начал потихоньку набрасывать тезисы авторецензии, то есть решил обстоятельно проанализировать, как, каким образом и благодаря чему их Департамент смог подняться до высоты Академии рецензирования.

И вот только начал он испытывать творческий подъем, когда слова как бы сами собой полились из-под пера (а писал он всегда по-старинке, только ручкой), тут-то и подала голос собака наверху, из квартиры этажом выше. Всякий раз Антон Иванович забывал про нее, и всякий раз это было для него сюрпризной неожиданностью. Некоторые (даже многие) не любят собачьего лая, а когда собаки воют, тут людям бывает совсем невмоготу, но Антон Иванович научил себя абсолютно новому восприятию собачьего искусства.

Доберман наверху, по кличке Бинго, очень часто оставался в квартире один, но как раз одиночества не переносил совершенно. Стремительный, с резкими движениями, нервно-горячий, с огоньковой безуминкой в охро-золотистых глазах, он производил впечатление обожаемого, любимого дитя-первенца, неожиданно брошенного родителями на произвол судьбы.

Что делает дитя, брошенное на произвол судьбы? Конечно, плачет, кричит, заливается горячими слезами...

Но, с другой стороны, когда поет птица, мы совсем не знаем, горюет она или радуется; нам, конечно, кажется, что она радуется, а она просто подает голос, а что в этом голосе – радость или отчаяние, мы не знаем; просто нам нравятся звуки, которые издают птицы, и поэтому мы считаем, что они поют, что это их песни, а может – это их слезы? их зов к нам? их бездонное одиночество, взывающее к общению с ними?

«Ах, если бы собаки могли петь! – подумал как-то Антон Иванович. – Разве бы они раздражали нас своим воем и гавканьем?» И вот Антон Иванович научил себя этому искусству: воспринимать лай, вой и гавканье собак как некое сладостное пение птиц, ибо все дело в том, как мы настроены слышать и слушать окружающий нас мир.

Бедный и сказочный Бинго завыл... Он выл наверху, один в четырехкомнатной квартире, как красногрудый чечень в клетке или как цветисто-разнопёрый щегол в садке, выл сладострастно и упоенно, он выл о своем одиночестве и тоске, о своей брошенности и конченности мира, он выл, но выл как пел, и Антон Иванович испытывал настоящее наслаждение, близкое к упоению, ибо научил себя воспринимать горечь и отчаяние, одиночество и страх как самую искреннюю глубокую щемяще-радостную песню, которая невольно рвется из груди любого живого существа.

Сегодня Бинго выл, а это значит, что дома он был один... и песня его была жуткая, пронзительная и жалостливая, безмерная в своей отрешенности и силе.

Но, когда, например, в квартире наверху оставался еще юноша Митя, студент-первокурсник социально-астрономического колледжа (в Москве случаются такие заведения), то Бинго, по надоедливости своей, запирался Митей в одной из комнат, и тогда вой сменялся лаем, методично-густым, настырно-напористым и агрессивно-блистательным. Митя, вероятно, не обращал на лай никакого внимания, пусть лает, лишь бы не мешал в обычных житейских делах (то девочки, то музыка, то курсовые, а то еще что-то), зато наслаждался лаем собаки Антон Иванович.

Лай – это не песня чеченя или щегла; это скорей одиноко-звучные посвистыванья снегирия, резкие подсвиркиванья синицы или, наконец, дробные призывы кукушки, в лае своя сказочно-прерывистая, густая, глубинная и утробная музыка. Именно эту музыку научился слушать Антон Иванович. Он как бы с каждым новым гавканьем поднимался все выше и выше на облаках воспарённости, поднимался упругими, дерзкими толчками, все дальше ввысь, в без-

донные верха, так что когда, например, лай обрывисто прекращался, Антон Иванович словно кубарем катился вниз, из глубин поднебесья в житейскую трясиину.

А ведь кроме воя и лая Бинго владел многими другими песнями, например, потягиванием, повизгиванием (когда в дом возвращались хозяева) или скулением (просишь-просишь, а тебя не слышат), или иными песнями, которые будто и не песни уже, а так... подпевки или речитативные припевы.

Но вот в тот день, когда Антон Иванович стал президентом Академии, когда приехал домой, устроился в кабинете и начал горделиво анализировать на бумаге, каким образом он достиг вершин карьеры, в тот день Бинго именно завыл, а не загавкал; завыл, как всегда, пронзительно и страстно, но и как-то по-особому тревожно, горестно и призывно. Это был не вой, это был надрывный плач, и как всякий высокий и глубокий плач, он являлся сердечной, горестной, морозящей кожу песней, так что Антон Иванович отложил перо и надолго погрузился в глубины и высоты упоённого собачьего песенного гореванья.

И что странно, только сегодня, став президентом Академии (может, это было чистое совпадение), Антон Иванович расслышал в песне Бинго что-то новое, неожиданное и потустороннее. Что-то такое, что мешало Антону Ивановиче вполне насладиться собачьим пением, его сложным и особым искусством.

Как бы наконец-то разом, обвально, Антон Иванович почувствовал, что чужая песня, хоть горькая, хоть сладкая, это только для слушающих радость, а для поющего – это целый надрывный мир: ты воешь, и песней твоей наслаждаются, но у тебя-то сердце разрывается на части, оно разбухает от крови, сосуды напряженно и гулко пульсируют, густая кровь разжижается и бьет волна за волной в сердце так, что оно раздувается как огненный кровавый шар, который готов лопнуть... готов, но не лопается, а только полнится и полнится болью, и от боли этой нет спасения, потому что сердце не разрывается – оно слишком еще молодое и сильное.

Антон Иванович поневоле ощутил призыв к какому-то неясному, но решительному действию. Он ведь давно знал и понял, как рос маленький Бинго, милый забавный и проказливый щенок, как все любили его, жалели и ласкали, и, пока он был маленький, его никогда не оставляли в одиночестве, и даже спал он всегда вместе с хозяевами на широкой теплой постели, с краешку, в уголке, уткнувшись носом в легкое ватное одеяло. Мир для него – это когда постоянно рядом живые добрые сказочные существа: хозяин, хозяйка и их сын Митя, и, когда Бинго подрос, с ним случилась первая грозная беда: его на час или на два оставили в квартире одного. Мир закатился для него в преисподнюю, разразилась катастрофа, он не мог понять, что случилось, где он, что происходит, куда деть себя в одиночестве, и он выл, лаял, гавкал, бросался на дверь, кричал, стонал, плакал, слезы мелкими горошинами катились из его глаз... Катастрофа эта стала повторяться все чаще, все на большие и большие промежутки времени, но Бинго, почти как всякий доberman, не мог привыкнуть к этому, катастрофа не становилась закономерной частью его жизни, она оставалась просто катастрофой, бездной, небытием, крушением, черной дырой. И всякий раз Бинго бесновался, как будто наступил конец света, он и выл, и лаял, и гавкал, и рычал, и скулил, и визжал, и тявкал, но больше всего выл и выл... не переставая... не переставая...

В большом (в двадцать два этажа) доме кто-то любил Бинго, кто-то его ненавидел за беспокойный характер и бесконечное гавканье и вытье, и только Антон Иванович, ближайший снизу сосед, научился слышать в тоске и безумии Бинго глубокую и искреннюю песню. Пусть выл, но как выл! Пусть гавкал, но как гавкал! Так глубоко и страстно могут петь только птицы: щеглы и чечётки, канарейки и свиристели, снегири и чижи.

Но в этот раз. нов этот раз, когда Антон Иванович стал президентом Академии и приехал домой всласть поработать над авторской рецензией, он разобрал в песне Бинго что-то новое, иное, совсем другое, что слышал всегда: Бинго выл не как пел, а пел как просил (и умолял)

о пощаде: не могу больше жить! не хочу больше жить! помогите избавиться от страданий, от жизни, от тоски и безумия!

Антон Иванович (заглянем ему в сердце) считал себя единственным человеком на свете, кто правильно понимал Бинго, и, поняв Бинго и на этот раз, хотя и не разделяя его взгляда на жизнь (петь нужно до конца и не просить ни у кого и ни у чего пощады!), Антон Иванович оторвался от рукописи и спросил себя прямо и вполне серьезно: «Что делать?»

«Как что делать?!» – таков был тут же ответ его.

Антон Иванович выбрался из-за стола и, будто находясь в сомнамбулическом состоянии, вышел из квартиры и поднялся по лестнице на один этаж выше. У него был ключ от квартиры соседей, так, совершенно случайно, хотя прихватил он его когда-то осознанно, но как во сне. Бинго от радости чуть не сшиб Антона Ивановича с ног, когда тот открыл дверь, стал прыгать вокруг него, ласкаться, лизать руки, вертеться вокруг него юлой (ведь они были уже неплохо знакомы). Антон Иванович подхватил Бинго на руки, приласкал его и, подойдя к окну, открыл раму, а затем резким, неожиданным для Бинго движением выбросил собаку из окна.

С этого дня, как Антон Иванович стал президентом Академии рецензирования, он больше не мог слушать пение птицы под названием «собака Бинго».

Он спас Бинго от разрыва сердца.

Вернувшись на работу с недописанной рецензией, Антон Иванович увидел на своем столе записку от Максима Владимировича: *«Вас ищет друг детства Капитонов. Телефон секретарши: 906-06-06. Просят позвонить. Я уехал в издательство. Максим».*

– Капитонов... Капитонов, – пробормотал Антон Иванович. – Ах, да, Капитонов... Витя... Виталий...

Близкими друзьями детства они не были, учились, правда, в одном классе, даже жили на одной улице на Урале, в далекой глубинке, в небольшом поселке Северный, зато было другое: оба любили одну и ту же девочку по имени Эля, Эльвира Хмельницкая... Но все это как в тумане, конечно, и детство, и школа, и девочка Эля, и даже поселок Северный. А впрочем...

Антон Иванович давно привык, что его часто ищут и находят самые неожиданные люди, в нынешней жизни он нужен многим, но друзья детства... того детства, когда им было по семь, десять или двенадцать лет... нет, такого еще не было... из такого далека никто его не разыскивал.

Антон Иванович набрал нужный номер, и приятный женский голос запел-заворковал на другом конце провода:

– Антон Иванович? Немедленно соединяю вас с Виталием Константиновичем, немедленно!

И не успел еще Антон Иванович вполне насладиться женской вкрадчивой и многообещающей ласковостью, как в трубке загудел другой голос, густой, но радостно-напористый, бодрый, а главное удивительно молодой и свежий:

– Тоша?! (Да, так его звали в детстве...) Где ты запропастился? Ты не поверишь, я тебя целый год ищу... ведь у меня юбилей. Так стукнуло, что о годах и вспоминать не хочется! Короче: юбилей позади, опоздал ты, Тоша, со своими поздравлениями, но! Но в баньку мы с тобой сегодня ходим! В парилочку! Я, знаешь, не люблю всяких там богатых саун и загородных дворцов, я по-простому, как у нас в детстве, в Северном, помнишь?! Так вот, встречаемся сегодня, в пятнадцать ноль-ноль, в Разумовских банях, это недалеко от тебя, знаешь?!

– Да, но...

– А теперь, Тоша, самое главное: не говори, что не можешь! И слышать не хочу!

– Да, но... («Как хоть мы узнаем друг друга?») – хотелось в конце концов спросить Антону Ивановичу.)

– Я же говорю: никаких но! Всё! До встречи! – И Виталий Капитонов положил трубку.

Когда они только переехали в новую квартиру, они никак не ожидали, что впереди будет столько сюрпризов. Главных сюрпризов было три: лай и вой собаки; стук по утрам женских каблуков с железными, цокающими по паркету набойками; и третье – методичное, как бы потустороннее, но тем не менее реальное стучание какой-то деревяшки по другой деревяшке примерно с полуночи и, бывало, до раннего утра. Надо же случиться такому совпадению: когда они переезжали, соседи сверху – вероятней всего – были на даче, стояло теплое лето, и они так радовались, что в эти летние дни успеют сделать капитальный ремонт в квартире, а затем с осени, как раз с сентября, смогут начать размеренную спокойную жизнь.

И вдруг началось...

Поначалу казалось: происходит что-то нереальное, такого не может быть, ведь должны же люди (соседи наверху) понимать, что причиняют другим неудобства, мешают жить, нарушают чужой мир, спокойствие и тишину.

Пытались стучать им по трубе: эй, мол, там, наверху, потише! Никакой реакции.

Пожаловались старшей по подъезду (Ангелине Петровне).

– Да что вы говорите?! – Глаза Ангелины Петровны округлились до размеров малых блюдечек, из которых она любила пить чай (Антон Иванович об этом узнал чуть позже). – Да, да, у них есть собачка, такая милая, шикарная собачка, да что вы говорите, надо же, лает, воет, я никогда не слышала, вообще-то они люди достойные, серьезные, мы их давно знаем, сын Митенька учится вместе с моим внуком в социально-астрономическом колледже («Что бы это такое могло быть?!»), жена работает в серьезном учреждении, а сам хозяин прокурор или что-то в этом роде, раньше служил, был полковником, а теперь в суде, кажется, обвинителем или что-то такое, а каблуки... ну что каблуки... все мы женщины, утром на работу спешим, тут уж мы должны понимать друг друга, пойти на уступки, а вот что стучат деревяшками по ночам – не может быть, потому что есть у нас одна старенькая пара, на одиннадцатом этаже, немножко со странностями старики, как бы чуть свихнувшиеся от нынешней жизни, так вот они точно стучат по ночам, все им кажется, что кто-то крадется к ним, пытается ограбить, вот они и стучат, предупреждают: мы начеку, мы дома, а что ваши соседи стучат, этого не может быть, это просто кажется, резонанс такой, потому что соседи над вами живут положительные, собачка у них милая, добрая, ну что ж, что воет или гавкает, животное же, все мы не без греха, что делать... там и напротив ваших соседей одна пара живет, тоже с собачкой, хорошо отзываются друг о друге, вы уж, Антон Иванович, Марина Михайловна, потерпите немного, войдите в положение, не ссорьтесь и не ругайтесь, а я со своей стороны обещаю: поговорю с ними, поговорю, обязательно поговорю...

Но ничего не изменилось и после этого разговора.

Несколько раз Марина Михайловна, жена Антона Ивановича, звонила соседям по телефону (номер их она узнала у консьержки внизу). Про собаку ответ был таков (в виде вопроса):

– Вы не любите животных?

– Люблю.

– Ну так вот, если вы любите животных, вы должны знать, что собака тоже животное, и у нее есть свои особенности, она охраняет дом, лает, гавкает или воет, и я ничего не могу поделать с ней. Не убивать же ее ради вас? Да и не для того мы ее заводили. Всего доброго!

А про каблуки и громкое цоканье по паркету разговор еще короче:

– Ну уж в чем ходить по дому, в сабо или хоть в колодках, это мое личное дело, и по этому вопросу я советоваться ни с кем не собираюсь!

А про то, что в квартире у них по ночам стучат какими-то деревяшками, совсем коротко:

– Бред какой-то! – И швыряли трубку.

Марина Михайловна потихоньку сходила с ума. Можно многое вытерпеть в жизни: и лай собак, и грохотанье каблуков, и ночные колотушки над головой, но как понять другое: почему

одни люди не считаются с другими?! И уж совсем растеряла она всякое понимание, когда на ее очередной звонок по телефону ответил не женский голос, а мужской, который с ходу заорал в трубку:

– Слушай, ты, если ты еще раз позвонишь, я тебя!.. Ты кто такая? Какого хрена звонишь? Чего тебе надо? Попробуй только еще раз позвонить! Я тебя в порошок сотру! Поняла?! На этот раз трубку швырнула сама Марина Михайловна.

Через несколько минут раздался звонок в дверь. Антон Иванович, ничего не подозревая, смело щелкнул замком, и тут в квартиру ворвался огромный ошетилившийся разъяренный зверь (так показалось). На самом деле влетел низкорослый крепкий мужик с выпученными глазами и коротко стриженной головой. Проскочив Антона Ивановича (как мимо пустого места), мужик подлетел к Марине Михайловне (которая все еще в оторопи стояла рядом с телефонным аппаратом) и начал орать, как будто не закончив оборвавшийся разговор:

– Ты поняла, что я тебе сказал?! Я тебя спрашиваю: поняла или нет? Кто вообще дал тебе наш телефон? Попробуй только позвонить еще раз! Да я тебя... Я тебя уничтожу!

– Простите, вас как зовут? – раздался спокойный голос Антона Ивановича.

Мужик как бы крутанулся на месте, округленно вытаращив глаза, и в недоумении установился на Антона Ивановича: это еще кто такой?!

– Я спрашиваю: как ванте имя-отчество?

– А тебе какое дело? Ты кто? Учитель? В очёчках ходишь?! Смотри, учительшко, я и тебя раздавлю – не пикнешь!

– Нет, я не учитель. А все-таки как вас зовут?

– Ну, Тимур Таранович (на самом деле Терентьевич; но так слышалось).

– Так вот, Тимур Таранович...

– Не Таранович, а Терентьевич!

– Извините, ослышался... Так вот, Тимур Терентьевич, прошу вас выйти из моей квартиры. Когда входят в дом, прежде всего здороваются.

– Чего-чего?!

– Вы не поздоровались, Тимур Терентьевич. Прошу вас выйти из моего дома. – И Антон Иванович легонько так, по-простецкому, взял Тимура Терентьевича под локоток и повел к выходу.

– Точно – учитель! – оторопело произнес сосед, но, самое главное, послушно последовал к двери.

– Всего доброго, до свидания!

Но прежде чем Антон Иванович захлопнул перед соседом дверь, тот все-таки успел погрозить ему пальцем:

– Смотри у меня!

В издательстве Максим Владимирович подписал корректуру трехтомника (подарочное издание избранных рецензий Академии) и поехал в Одинцово, немного отдохнуть и отвлечься от московской мышинной беготни. В паре с Антоном Ивановичем он работал лет пять, с делом справлялся легко, играючи, был исполнителен и аккуратен, единственное – не мог до конца проникнуться серьезностью их «академического» занятия: ну, рецензии, ну, отзывы... что такого-то? Антон Иванович бесстрастно поучал: рецензия – это квинтэссенция нынешней жизни, это тончайший пилотаж в анализе сегодняшнего «праздника жизни», ибо, давая наивысшую оценку любой фирме или компании (им так хочется), ты одновременно отмечаешь в своей картотеке: фирма дрянь, а компания того хуже, одни подлецы и мошенники. Таким образом, постепенно, день за днем ты фиксируешь истинный ход истории, которая всегда двухслойна: вот это мы видим, а вот это мы знаем.

Антон Иванович Гудбай многому еще учил Максима (который, кстати, был моложе шефа всего лет на пять), но об этом речь впереди.

А пока, сладко потянувшись и чуть не мурлыкнув от предстоящих удовольствий жизни, Максим Котов вышел из издательства, поймал такси и помчался в Одинцово.

– Ой, Максимушка! – Нежная, тонкая рука обвила шею Максима, жаркие губы Нины прильнули к его губам, и он почувствовал, как вся она затрепетала в его объятиях, как на тонкой ее талии (под легким халатиком) забилась горячая пульсирующая жилка, но тут Нина опомнилась, взяла себя в руки, прошептала ему в ухо: – Нет, нет, не сейчас, я не одна... что ты... потом, потом, дуралей! – И тихо рассмеялась, обдав его жарким и томным дыханием страсти.

– Ох, смотри у меня! – рассмеялся и Максим, скинул легкий плащ (как быстро летит время, вот и осень уже у порога, а там дожди, слякоть и грязь, бр-р...) и прошел на кухню.

Ах, какой тут стоял аромат домашних наваристых щей, как пахло одновременно теплыми дрожжевыми пирогами с капустой и кулебякой с картошкой и грибами.

– О, Настюха, привет, привет!

У раковины, спиной к Максиму, стояла Настя, тринадцатилетняя дочь Нины, мыла посуду, и вся ее поза, ленивые движения и томные вздохи говорили о том, какая это для нее пытка, домашняя работа.

– Здравствуйте, дядя Максим, – небрежно бросила Настя через плечо.

– О, я смотрю, ты раскусила философию жизни!

Потирая руки, Максим уселся за кухонный стол и окинул фигуру Насти веселым подначливым взглядом.

– О чем это вы, дядя Максим? – Настя лениво полуоглянулась на Максима.

– А о том, дорогая Настенька, что девочка, девушка, а потом и будущая мать должна знать все премудрости домашнего хозяйства. И не только знать, но и уметь многое делать по дому. Вот как твоя мама, например.

– Или вот как вы...

– Я? – Максим хитровато изогнул бровь. – А что? Я тоже многое умею.

– Вот и помыли бы за меня посуду.

– Настя, как тебе не стыдно, – вступилась за Максима Нина. – Домывай посуду и марш за уроки!

– Всё бы вам марш да марш... А я, может, танцевать хочу.

– И я хочу, – сказала мать.

– И я! – рассмеялся Максим.

Настя повернулась к ним, окинула обоих презрительно-оценивающим взглядом, и, фыркнув, вышла из кухни: ох, уж эти мамы, дяди, тети... учителя жизни!

У Нины был еще сын, студент второго курса строительного института: серьезный и умный парень; и вот оба они, и Настя, и Роман, не жаловали Максима, но тот старался не обращать на это внимания.

– Мужчина, – сказал он однажды Роману, – должен быть как скала.

– Время идет, а скала стоит. Так? – поинтересовался Роман.

– И время идет. И скала стоит. И ветер дует! – рассмеялся Максим. Он обладал удивительным свойством: умел сглаживать острые углы, и чуть что – смеялся так, как будто все на свете смешно и забавно.

Но когда Максим оставался у них ночевать, Роман с Настей в одной комнате, а Максим с Ниной в другой, что-то странное происходило в квартире, все поры ее наполнялись одновременно любовью и ненавистью, потому что тайна, которая творилась в материнской комнате, так унижала и оскорбляла детей, что Максим казался им чудовищным пауком, который набрасы-

вается на мать и высасывает из нее соки, высасывает и высасывает, а она, дурочка, еще радуется этому, что еще больше мучило дочь и сына.

Однажды, когда дети были поменьше, они в отчаянии придумали такой трюк: натянули сетку в проеме туалетной двери, и Максим, в полутьме не разглядев ее, запнулся и полетел головой вперед. Хорошо, стукнулся головой не об унитаз, а о встроенный шкаф, кровь лилась рекой, а ноги Максима, самое главное, действительно запутались в сетке, и, когда все сбежались на крик (и мать, и Настя, и Роман), Максим в самом деле напоминал паука, бьющегося в кровавом экстазе в паутине сетки.

Все обошлось, конечно, и Нина не стала наказывать детей, а Максим, с перебинтованной головой, и в тот раз рассмеялся как ни в чем не бывало, даже подмигнув Роману:

– Вот именно, мужчина должен быть как скала! Правильно я говорил.

Может, правильно, может, нет, но ненависть, глубоко спрятанная, подспудная ненависть, с которой дети встречали Максима, и то облегчение от этого гнетущего, омерзительного чувства, которое они испытывали, когда Максим уходил, эта ненависть и одновременно облегчение от нее были самым страшным испытанием для них. Да и для Максима в будущем тоже.

В три часа пополудни Антон Иванович, как штык, стоял около Разумовских бань. Лет сорок, пожалуй, не виделись они с Виталием Капитоновым, и трудно, конечно, сказать, узнают ли они друг друга, во всяком случае Антона Ивановича редко кто признавал сразу: широкая окладистая борода, большие залысины на голове и тяжелые массивные очки делали свое дело. Но вот странная вещь: сам он Виталия Капитонова узнал мгновенно. Быстрый, с серебристым упругим ежиком на голове, с ярким румянцем на щеках, в длинном черном кожаном плаще, с игривой тросточкой в одной руке, а в другой с небольшим ридикюлем, из которого смело торчал дубовый веник, Виталий сразу производил впечатление красавца-мужчины, к тому же удачника, к тому же денежного мешка. Была в его движениях некая барская свобода, уверенность и широта натуры.

– А тросточка-то зачем? – первое, что спросил у него Антон Иванович (нашел что спросить).

Виталий громко рассмеялся (при этом зубы его белоснежно и блистательно обнажились):

– Для понта, для понта, Антоша! – И он крепко, по-медвежьи ухватисто обнял Антона Ивановича, бросив ридикюль прямо на землю, на зеленую траву газонной лужайки.

Первые слова, первые восклицания и удивления – все это проходило для Антона Ивановича как в тумане, и по-настоящему он пришел в себя, только когда они сидели уже в предбаннике, и к ним подкатил простецкий такой мужичок в лихой войлочной шляпе:

– Ну, Виталий Константиныч, какого сегодня парку сделаем?

– Первейшего, первейшего, Никитич! У меня, вот видишь, – он ткнул пальцем в пухловатую грудь Антона Ивановича, – сегодня друг в гостях, друг детства, понимаешь, а? Так что ты уж постарайся, Никитич, чтоб с огоньком был парок, с задорцем, ядреный!

– Да я не так что бы... – запротестовал было Антон Иванович, на что Капитонов с улыбкой хитреца и мага резонно возразил:

– Тоша, сегодня ты у меня в гостях. Так что слушаться, слушаться! Ясно?!

И действительно: первый парок получился так густ и задирист, что Антон Иванович мешком сполз вниз с верхнего полка и, ошалело вытаращив глаза, схватился ладонями за уши, которые не горели – пылали огнем.

Мужики наверху смеялись не над Антоном Ивановичем, а над Капитоновым:

– Что-то слабоват у тебя дружок, а, Константиныч? Дай-ка нам его на выучку, мы его быстро приведем в норму. Ну, отдаешь?

– Ага, отдай ягненка волкам на съедение! – вступился за друга Капитонов. – Тоша, ты посиди там, посиди... Парок, он сейчас спадет, а потом подымайся. Я тебя сам похлещу от души, помнишь, как не дал мне списать контрольную по арифметике?

– Какую контрольную? Ты чего? – ошалело завертел головой Антон Иванович.

– Как какую?! Мужики, он мне во втором классе не дал списать контрольную, имею я теперь право отплатить ему?

– Законное право имеешь, Константиныч! – загоготали мужики. – Самое что ни на есть законное, точно!

Постепенно Антон Иванович по привычке к жару, к подначкам и соленым словечкам мужиков и забрался наконец на верхний полок, где Виталий, друг детства, уложил его на широкую, из крепкого осинника, лавку и начал умело охаживать дубовым веником. Нет, он не бил его и не хлестал, а то резкими, то плавными движениями (волна за волной, волна за волной) окатывал распластанное тело тугим прокаленным жаром, так что вскоре Антон Иванович поплыл в истоме и блаженстве в давно забытые грезы детства. А то вдруг Виталий начинал осторожно-любовно охлестывать распаренное, разомлевшее тело Антона Ивановича размягченным духовитым веником, и тогда казалось, что каждая косточка, каждая жилка его охватывались внутренним нежарким огнем...

После парилки они бултыхались и резвились, как дети, в бассейне, а потом опять и опять забирались на полку, и тут уж Антон Иванович пытался охаживать Виталия веником, но у него плохо получалось, мужики незлобливо гоготали, а истый банщик Никитич отбирал у Антона Ивановича веник и начинал так обхлестывать и отделявать Капитонова, что тот только стонал и кричал и охал, но молил об одном: еще, еще поддай, Никитич, вот так, о-о, вот так, так, молодец!..

А когда закончилась первая ходка в парилку, а потом и вторая, они наконец немного утомились, верней, Виталий Капитонов утомился, и, сидя на лавках, закутавшись в простыни, они в блаженной истоме и жажде сдували высокие шапки пены с высоких же кружек и пили, и наслаждались, и упивались свежайшим янтарно-золотистым бочковым пивом.

– Ты понимаешь, Тоша, нет, ты не понимаешь, а надоело мне все к чертовой матери (кроме баньки, конечно, кроме баньки! – с улыбкой хитреца сам себе возражал Капитонов), и вот, не поверишь, решил я бросить все и куда-нибудь укатить, в такие этакie какие-нибудь чертовые дали, чтобы и не найти меня было... Понимаешь ты или нет?

– А что случилось-то, Виталий, ты объясни...

– Да в том-то и дело, что ничего не случилось, все хорошо и распрекрасно, а душа болит, места себе не находит... Можешь ты это понять?

– Пока нет.

– Вот, я помню, ты и в школе только арифметику понимал, дважды два там да трижды три, а душу не понимал.

– Какая душа? О чем ты? Мы же пацаны были.

– Да не был ты никогда пацаном!

Антон Иванович оторопело взглянул на Капитонова, но тот вдруг примиряюще улыбнулся, приобнял Тошу за плечи и проникновенно спросил:

– Ты мне одно объясни: кого любила Эля Хмельницкая?

– Чего-чего?

– Кого любила Эля Хмельницкая?

– Да никого она не любила! Это нам, многим, она нравилась, а она никого не любила.

– Да? – Виталий погрозил Антону дурашливым пальцем: – Смотри у меня, если врешь! – И неожиданно круто зашелся в громком жизнерадостном смехе.

После третьего, а потом и четвертого заходов в парилку они, хоть и продолжали потихоньку наслаждаться пивом, разговаривали все меньше и меньше, как бы уйдя в себя внутренних, чистых, отпаренных и отмытых.

Но когда они вышли из бани, Виталий как бы опомнился, хлопнул себя по лбу и сказал:

– Я ведь тебя зачем приглашал, ты знаешь?

- В баню, наверно, сходить. Детство вспомнить.
- В баню. Точно. Но, во-первых, держи-ка вот эту штуку, – и он протянул Антону Ивановичу свою изумительную, резную, ручной работы трость.
- Зачем это?
- Это тебе мой подарок!
- Да зачем она мне?
- Подарки, Тоша, не выбирают. Держи. Будешь потом меня вспоминать. (Антон Иванович, делать нечего, подхватил трость, и, надо сказать, она вошла в его руку, будто сделана была именно для него.) А, во-вторых, Тоша, и это самое главное, мы сейчас идем ко мне домой.
- К тебе домой?
- Я тут рядом, два шага. Почему и в баню эту хожу... Это же главное – мы должны посидеть, поговорить.
- Может, для первого раза хватит?
- Тоша, цыц! Тебе старшие слова не давали. Гость – он раб хозяина, ты не бывал в Африке, что ли?
- В Африке?
- Да, в Африке. Там гость – всегда раб хозяина и слушается его, как пес.

И не мог понять Антон Иванович, шутит Капитонов сейчас или нет; но одно уяснил твердо: спорить с Виталием бесполезно. Кроме того, положа руку на сердце, он тоже не очень-то хотел расставаться с ним, что-то как будто оставалось то ли неясным, то ли притягательным в их встрече.

Квартира Капитонова удивила Антона Ивановича. Не в том дело, что она была большая и богато обставленная. А в том, что она претендовала на утонченность и изысканность, а выглядела, по меньшей мере, странновато. Прихожая: черная гранитная плитка (какое-то преддверие ада). Кухня: плитка золотая (ну, или как золотая). Спальная комната: сплошной пурпур. Столовая – огромный овальный стол, причем на низких пузатых ножках, так что сидеть приходилось не на стульях, а на жестких подушках-кушетках (как бы на полу, на огромном персидском ковре). Стол – широкое инкрустированное поле – заставлен мыслимыми и немыслимыми бутылками с вином, водкой, коньяком, джином, бренди и бог его знает чем еще. В туалете, как в космосе, в полумраке мерцают голубые звезды плафонов, а в ванной, как в операционной, сверкает все никелем и белизной.

Уселись за стол, на низкие кушетки; Антон Иванович все как-то не мог приноровиться к своему сиденью. Капитонов, бросив на него хитровато-оценивающий взгляд, весело расхохотался: – Вот так все поначалу! А потом ничего, нравится... Главное, захотел – завалился на ковер, бабам это особо по душе.

И, когда выпили по первой рюмке (а выбрали оба, не сговариваясь, русскую водку) и закусили черной икоркой и серебристо-сахарной осетринкой, Капитонов продолжил разговор про женщин, ткнув при этом пальцем в персидский ковер: – Хотя им, нашим русским бабам, им все мало. Им или мало, или им плохо, или черт его знает еще как, но главное – всё не так и не то, согласен, Антоша?

- Да разные они все, Виталий.
- Ты думаешь, я на них жалуюсь? Плевать мне на них. Понимаешь, надоели они мне все, вот в чем штука. И не только бабы. Всё надоело. Обрыдло и опостылело. Ты хоть знаешь, кем я был до недавнего времени?
- Кем?
- Я, Тоша, был директором огромного завода. Станки мы строили, сеялки, трактора, много чего. А когда меня в Москву позвали, замом министра, я тут чуть с ума не спятил. Я там хозяин, не только завода, но почти всего города, пусть он не большой, город этот, но все

же... А здесь я на побегушках. Да и не в этом суть. Там было дело, а здесь муть какая-то. И главное – денег мало. Жена пилит, дочери...

– Это всегда так, – поддакнул Антон Иванович.

Подняли рюмки, чокнулись, выпили.

– И занялся я бизнесом... Бизнес по-русски – это знаешь, что такое?

– Да я многое знаю...

Они начали потихоньку хмелеть, разговор пошел живой, откровенный, по душам.

– Ты вообще-то чем сам занимаешься? – поинтересовался Капитонов.

– Рецензированием.

– Это еще что такое?

– Как что? Тебе надо раскрутить фирму – мы к вашим услугам.

– Что-то я такого не слышал... Ты мне лучше скажи: почему Эля Хмельницкая выбрала не тебя, не меня, не Васю Костоусова, не Лёню Радэ, не поэта Владимира Дагурова, а Герку Баженова?

Антон Иванович чуть не поперхнулся, откусывая аппетитную севрюжку и запивая ее ядреным томатным соком.

– Да с чего ты взял, что она его выбрала?

– Но ведь не за меня и не за тебя она вышла, а за него?!

Тут уж расхохотался Антон Иванович:

– За Герку? Брось! Я его жену знаю: это совсем другая женщина. Татьяна!

– Так я тебе и поверил. У меня, знаешь, сведения точные, как весы в аптеке.

– Ты про какого Герку говоришь? Про нашего? Который сейчас писатель?

– Про него.

– Да он здесь, в Москве живет. К нам частенько заходит. Материалы на рецензию берет.

– Постой, постой, а ты кто такой? Какие рецензии? Ты кем работаешь?

– Президентом Академии.

– Ты? Президентом Академии? Какой еще Академии?! Не смеши меня... Ладно, я не об этом: я о бизнесе по-русски. Слыхал о таком?

– Еще бы. Каждый день имею с ним дело.

– Так вот, то у меня завод, а то у меня шиш на постном масле. И стал я на своем заводе станки старые скупать. Есть даже такой станок: пробки, к примеру, делает. В Подмосковье склад арендовал, старый станок привез, подкрасил, подчистил, подмазал (тут мне зятя помогали) и продал как новенький. За три тыщи купил, за пятнадцать продаю, за десять берут. Понял, какой бизнес?

– Еще бы.

– А тут приезжаю на склад, меня охранник спрашивает: «Ты кто?» – «Я-то, говорю, я некто, а вот ты кто?» – «Если ты, отвечает, некто, то значит никто! И пошел вон!..» Ты врубаешься, Антоша?

– Знакомая история.

– Не в том дело, конечно... А, да что тебе говорить! – махнул рукой Капитонов.

– Не скажи, – возразил Антон Иванович. – Я таких поворотов много знаю...

– Ты пойми: я могу кого хочешь в порошок стереть. В бараний рог согнуть. Через мои руки миллионы проходят. Но... тошно мне! Не из-за этого охранника, нет, вообще тошно. И решил я бросить всё, уехать куда-нибудь к чертовой матери! Вот хоть в Испанию, например.

– От себя далеко не уедешь, Виташа.

– Чего-о? Много ты знаешь! Вот бабы... ой, как они мне опостытели! А дети... зятя, дочери... Всем чего-то надо, без конца то просят, то требуют, и при этом, заметь, Тоша, никто никогда не бывает доволен. Прорва какая-то! И вот был я как-то в Испании, приглядел там в маленьком городишке отель... на берегу Средиземного моря... и ты знаешь что?

- Что?
- Сторговался ведь я! Четыреста тысяч всего – и гостиница твоя. На веки вечные. И солнце. И море. И покой... Ты представляешь?
- Ну, так... с трудом...
- Давай выпьем за это!
- Давай.
- Выпили.
- Кстати, тысяч двадцать у тебя не найдется свободных?
- Долларов, что ли? – не понял Антон Иванович.
- Можно и евро, – усмехнулся Капитонов. – Ладно, это я так, к слову. Сам выкручусь...
- А встретился я с тобой попрощаться, Антоша. Понимаешь ты это или нет?
- Да куда ты от самого себя денешься? Волком завоешь в хваленной своей Испании.
- Нет, все, решено: уезжаю. Пропади оно все пропадом! Но есть у меня к тебе одна просьба...
- Если деньги – то денег у меня нет.
- Какие деньги! Родителей моих, мать с отцом, ты, может, помнишь?
- Дядя Костю с тетей Верой?
- Вот именно! – обрадовался Капитонов. – Помнишь, точно. Так ведь они живы!
- Я знаю.
- Значит, бываешь на Урале, в Северном поселке? На нашей улице?
- Ну, а как же.
- Вот, старик, об этом и речь. Я уеду – они одни останутся. Кому они на Урале, в нашей глуши, нужны? Жена моя знать их не хочет, а дети – тем вообще все до лампочки. Будешь в Северном – навестишь их?
- О чем разговор.
- Ну, Антоша, золотой человек, дай я тебя обниму. – И они в самом деле троекратно облобызали друг друга.
- А хмель-то брал, брал свое... И какими родными, близкими чувствовали они сейчас себя!
- Я Герку-то Баженова тоже хотел найти. Попросить... Но он ведь у меня Эльку увел, не могу ему простить!
- Антон Иванович нахмуренно погрозил Капитонову пальцем:
- Какую Эльку? Когда увел? Да она на Украине с мужем живет, знать о нас ничего не знает...
- Нет, Герка ее увел от меня, точно тебе говорю, и женился на ней. И досталась мне только одна утеха, моя жена. А вот родители мои (знаешь ты это или нет?) Баженова как писателя очень даже уважают. Все книги его перечитали. Всё расспрашивают меня о нем...
- Хочешь, хоть сейчас Баженова вызовем? Я позвоню ему, он в Москве.
- Нет, это родители его обожают. А я... так... Испортил он мне всю жизнь, отобрал невесту, любовь, крест поставил на моей судьбе. Теперь вот с дурами только и возжусь...
- Виташа, я тебя в последний раз спрашиваю: ты дурак или только прикидываешься? У него другая жена. Это раз. А второе: ты хоть сам-то читал Георгия Баженова? Земляк ведь наш, одноклассник?
- Никогда.
- Никогда не читал Баженова?!
- Ни-ког-да!
- Ну и черт с тобой. Поезжай в свою Испанию. Пропадай там, если дурак. Родители-то твои умней тебя: Баженова читают, да и ты, помяни мои слова, как будешь сидеть в отеле, в

Испании-то своей, на берегу моря, так вспомнишь про наш Урал, возьмешь его книги и прослезись, горькими слезами обольешься о нашей родине...

И, странное дело, здесь они горячо обнялись и заплакали оба – не как женщины, громко и горячо, а просто слезы сами собой лились у них из глаз и лились...

Тут Антон Иванович обратил внимание, какое красивое и широкое окно в столовой Капитоновых, красивое особенно потому, что там, за этими резными из шикарного красного дерева рамами, начинал синеть вечер, в окнах напротив то там, то сям зажигались яркие огни, и Антон Иванович неожиданно поинтересовался у друга:

– Ну, а летать-то ты хоть умеешь?

– Как летать? – не понял Виталий Капитонов.

– Обыкновенно. – Антон Иванович подошел к окну, распахнул раму и показал на густую синеву Москвы, на мириады сверкающих и мигающих огней.

– Ты что, убиться хочешь, что ли, дурак?

– Я не убьюсь, – успокоил Виталия Антон Иванович. – Я на самом деле умею летать. Я сейчас тебе покажу. – Он быстро взобрался на подоконник, вздохнул поглубже и, прежде чем полететь, сказал: – Главное, это первые взмахи. Ты должен почувствовать, что воздушная волна упруга и эластична, ты должен попасть на ее крыло, и она сама подхватит тебя, она никогда не подведет, если ты умеешь разбираться в полетах. – И, вздохнув, добавил: – Конечно, первые взмахи самые тяжелые, это правда, но потом... Вот смотри!

И Антон Иванович спокойно шагнул за окно, исчезнув в синеве проеме бездонного пространства... Тут же, правда, упругая волна подхватила Антона Ивановича, как бы покачала его немного на себе, как в люльке, а затем Антон Иванович один раз и два и три самостоятельно взмахнул руками, как крыльями, и почувствовал: получается... в который раз получается... И уж если он летал, он любил кувыряться, делать затяжные сальто, как в детстве, когда занимался гимнастикой, и не просто сальто, а пируэты со многими поворотами и разворотами, а, набаловавшись и натешившись, вновь принимался махать окрыленными руками и поднимался с воздушной волной все выше и выше, вначале над домами и улицами, потом над кварталами, потом над районами, а потом и над всей Москвой, а потом и дальше, над Подмосковьем, а там уносился в такие дали и выси, что дух захватывало, накатывал страх, что как бы не вырваться навеки от земного притяжения, и Антон Иванович складывал окрыленные руки вдоль тела, и начиналось порывистое, до сердечной боли, захватывающее снижение над Москвой...

Когда он снова оказался на месте, Виталий Капитонов преспокойно спал за столом, уронив голову на тарелку с изящно порезанной осетринкой с севрюжкой, а сам Антон Иванович сидел напротив и смотрел на Капитонова с недоумением и оторопью... Надо же, такой красивый и мощный полет, а Виталий спит как ни в чем не бывало!

Антон Иванович не решился тревожить сон друга (проснется, опять пирование продолжится, а время позднее, жена дома ждет, будет, конечно, волноваться, где он да что с ним...), он просто забрал подарок Капитонова – изумительную по красоте, ручной работы трость и, щелкнув английским замком, захлопнул за собой дверь.

...Позже он будет мучительно вспоминать, в тот ли, в первый день их встречи, или как-то по-иному (от других людей, например, а может и от родственников Виталия Капитонова), он узнал, что гостиница на берегу Средиземного моря, которую тот купил в Испании, носила шикарное имя – BINGO.

Больше всего на свете любила Елена Михайловна то межвременье, когда на работе не было ни Антона Ивановича, ни Максима Котова: сама себе хозяйка, что хочешь – то и делай, хоть пляши. С другой стороны, ей очень нравилось, когда в Академию приходили посетители – хоть кто, лишь бы новые люди.

Причина одна: свои не обращают на ее женские прелести никакого внимания, а чужие обращают внимание прежде всего как раз на ее прелести.

– Ну посмотри же, Максимчик, – сколько раз, смеясь, говорила она Котову, – вот они, мои сестрички, вот они, мои двойняшечки, на-ка, потрогай! – и она поигрывала своими грудями, подпирая их нежными шаловливыми ладошками.

Но у Максима была своя, но пламенная страсть: женщины только худенькие, бр-р...

Антон Иванович... тот, наоборот, частенько производил впечатление, будто не знает, что такое и кто такие вообще женщины, хотя... И тут Елена Михайловна игриво-кокетливо грозила пальчиком: в тихом омуте черти водятся. А у Антона Ивановича просто был твердый принцип: на работе ни-ни, а уж дальше, как кривая вынесет.

«Ну и ладно, ну и Бог с вами, а кто сегодня придет первый, того и поцелую!» – капризно решила Елена Михайловна, имея в виду, конечно, посетителей или просителей.

Когда Антон Иванович вернулся домой, его встретила странная тишина. Верней, не тишина то была, а какая-то настороженность, напряженность в воздухе, хотя Марина Михайловна расцеловала его в дверях как всегда ласково и приветливо. Но что-то в ее глазах было загадочно-потаённое, необычное.

– Ой, от тебя вином пахнет! И... дубовым веником, что ли?

– Правильно. Я в бане был. А хлестали меня дубовым веничком. От души.

– В бане? Когда? С кем?

– Друг детства объявился. Виталий Капитонов. Вот, трость подарил! – Он горделиво протянул жене изящную свою вещицу, резную и такую удобную в руке.

– Ой, красивая какая! Надо же! – Марина Михайловна прижалась к ней щекой. – Морем пахнет, свежестью...

– Морем? – не понял Антон Иванович. – Как это трость может пахнуть морем? – и улыбнулся. – Чудачка ты, право.

Марина Михайловна проводила мужа на кухню, села напротив него за стол и подперла щеки ладонями.

– Ты ничего не слышишь? – загадочно прошептала она.

– Нет, а что? – Антон Иванович прислушался, но ничего как будто не разобрал.

– Тебе ничего не кажется странным?

– Странным?.. Гм, странной мне кажешься только ты. Впрочем, не обращай внимания. Я пьян.

– Ты пьян? Да нет, просто от тебя пахнет вином, причем каким-то хорошим, тонким... что вы пили?

– Водку.

– Водку? Не может быть. А какой аромат приятный.

– Это у Капитонова квартира такая. Как винный музей... Погоди-ка, а может, мы и вино пили? Что-то я не совсем помню... Он странный вообще-то мужик, забубенный.

– Итак... – произнесла загадочно жена, – ты ничего не слышишь?

– Да нет... – Антон Иванович покрутил в недоумении головой. – Ничего.

– А тишина? Ты слышишь, какая тишина?

– Да, что-то такое есть... Но я не пойму... Марина, ты о чем все-таки?

– Не знаю, радость это или печаль. Но в одном я убедилась: ты пророк.

– Ну, хватила в самом деле! Что случилось-то?

– А вот что. У соседей наверху собака покончила самоубийством.

– Как покончила самоубийством?

– Да так... Запрыгнула на подоконник, рама была открыта, и выбросилась из окна...

Антон Иванович округлил глаза:

- Ты-то откуда это знаешь?
- Все в доме говорят.
- И что, насмерть?
- Конечно. С двадцать первого-то этажа...
- Бедный Бинго! Бедный Бинго! – с искренней болью в голосе произнес Антон Иванович.
- А помнишь, сколько раз ты говорил: «Кончится все это тем, что не выдержит собака издевательств и выбросится из окна!»
- Каких издевательств?
- Одиночества. Вечного, постоянного одиночества. Сколько она выла, сколько гавкала, сколько страдала, с ума можно сойти.
- Да, что-то такое я говорил...
- Не «что-то такое», а именно так ты и говорил: «Выбросится из окна, помяни мое слово!»
- Как я любил его пение...
- Какое пение? Ах, это... никак я не могу привыкнуть, что вой и лай собаки ты называешь пением.
- Ты просто не понимаешь...
- Да что тут понимать? Я хорошо помню, ты сам долго не переносил ни ее лая, ни ее воя.
- А потом я понял, что она страдает, а разве может чужое страдание раздражать или выводить нас из себя? В страдании Бинго я научился различать плач души, а плач – это своего рода песня, только грустная, страшная в своей боли и пронзительности.
- Ну, про это я ничего не хочу слушать, – махнула рукой Марина Михайловна. – Вой, плач, песня... Какая там песня, если места себе не находишь в собственной квартире. Общий для всех дом – это не зверинец и не вольер для любителей животных. Я хочу, как все нормальные люди, жить спокойно и наслаждаться уютом и тишиной. Имею на это полное право.
- Да, но какие высоты он выдавал в своем песенном горевании, в трагическом упоении одиночеством и тоской! Какие глубины! Какие небесные дали!
- Ты до сих пор пьян, что ли?
- Да, пьян, наверное. А что?
- Несешь как всегда околесицу про этого несчастного пса. Царство ему небесное.
- Нет, ты не понимаешь, Марина...
- Я одно понимаю (и убедилась в этом не раз): ты пророк. Не знаю, какой величины, какого масштаба, но пророк. Вот как что скажешь, так тому и быть. Бояться тебя надо. Ох, бояться, Антоша!
- Скажешь тоже... Ты лучше ответь: есть ли у тебя супчик какой-нибудь такой понаваристей да погорячей?
- Ах, подлизуля... Есть, конечно, есть. Сейчас налью! – И, поцеловав Антона Ивановича в его такую домашнюю, теплую лысину на макушке, Марина поднялась из-за стола и направилась к плите.

Нина приехала в Москву из деревни Гиреево, с Владимирщины. Говорят, когда-то хан Гирей оставил на месте русского поселения пепелище, а оно возьми да возродись. Пепелище прозвали Гирей, заклеить хотели хана, но, как часто у нас бывает, увековечили его имя. Так и пошла новая история деревни: Гиреево да Гиреево. Ничего татарского, конечно, в жителях Гиреева не наблюдалось, кроме раскосых глаз да тончайших талий у девушек, но все же от других людей они явно отличались: то ли статью своей, то ли норовом, то ли черно-дымными глазами с поволокой. Во всяком случае, как только появилась Нина в строительном общежитии, многие пытались приударить за ней, да не получалось: дикая какая-то была, резкая, неуправляемая... А что хотели-то? Девчонке всего семнадцать, будешь тут дикой, когда всего боишься

да от всего шарахаешься: чего этим мужикам надо? Да и мать перед глазами стоит, когда отпустила Нину в Москву: «Смотри, в подоле принесешь – убью!»

А тут как-то раз приехали веселые ребята из Армении, да и не работать вовсе, а так, в гости к кому-то, верней, один был родственник Верки-разлучницы (прозвище такое у нее было), а другие двое с ним за компанию прикатили. Вот Тигран, один из троицы, и сказал Нине, глядя твердым и честным взглядом в раскосые ее глаза:

– Ты жена моя!

По-русски он говорил плохо и что хотел сказать, трудно понять, скорей всего: «Ты такая женщина-красавица, вай-вай, и как я хочу тебя!» – а получилось:

– Ты жена моя!

Как околдовал ее. Ничего она не понимала ни в любви, ни в словах, ни в обещаниях, а только так вот бездарно и странно отдалась ему, потому что он твердо сказал, как отрезал:

– Ты жена моя!

В Гиреево, конечно, она не поехала (мать убила бы), а мальчонку преспокойно родила. Всем общежитием его растили: «Рома да Рома ты наш, красавец, умница...» Да и сестры помогали (три сестры у Нины), тайком от матери приезжали, баловали пацана да тешились им.

Вскоре и комнату ей отдельную дали. Зажила совсем королевой...

А вот Настя родилась – это уже от настоящей любви: любви зрелой, окрылённой, глубокой, бесшабашной. Жаль только, отец Насти, Равиль, женат был, а у них, у татар, с этим строго: разведешься, жену-детей бросишь – весь род твой проклят в десяти коленах. Главное, что Равиль сделал для Нины, так это квартиру однокомнатную выбил (он прорабом на стройке был), а потом и двухкомнатную, когда Настя появилась. А затем годы, и жизнь, и судьба... всех и вся разбросало по разным местам...

В Одинцове, вот как идешь от станции к Нинину дому, есть одна небольшая рощица, наполовину дубовая, наполовину березовая, здесь-то и любила иногда погулять Нина в одиночестве. Однажды смотрит: около березового пня, верней около березки, которая как будто молнией срублена косо так и грубо, стоит мужчина то ли на коленях, то ли на корточках (не разобрать) и вроде как поклоны бьет. Странно...

Нина прошла туда, прошла сюда, минут через пять оглянулась, а мужчина все на том же месте. И не мужик, нет, а именно мужчина: благородный такой, интересный, одет хорошо. Странно все же... Подошла поближе, стоит, молчит.

– Наверно, спросить хотите, что я тут делаю? – Мужчина обернулся к ней, и тут она увидела его глаза: веселые, иссиня-голубые, искрящиеся озорством и лукавством.

– Да неудобно вроде спрашивать, – пробормотала она.

– А я поклоняюсь идолу, – спокойно объяснил мужчина.

– Какому идолу? – изумилась она.

– А вот этой березке. По сути дела, пню. Видите, березку сразила молния, а она ничего, стоит себе и стоит.

– Вы это серьезно? Насчет идола?

– Конечно, – улыбнулся он. – Я идолопоклонник. Вам разве не встречались такие?

– Никогда, – призналась она.

– Ну, может, это и хорошо. Сейчас, знаете, все верующие, а идолопоклонников никого.

– Да какие в наше время идолопоклонники? – продолжала изумляться Нина.

– Э, не скажите. – Мужчина поднялся с коленей, отряхнул брюки перчаткой (у него были изумительно тонкой отделки ажурные кожаные перчатки, не перчатки, а загляденье!). – За тысячелетнюю историю человечеству открылось много разных религий, и все они по своей сути поклоняются какому-то своему идолу: мысли, образу, понятию, откровению... Я, например, поклоняюсь вот этой березке. Солнцу. Женщине. Воде. Рассвету. Но больше всего вот этой березке.

- Почему именно этой березке? Вы здесь живете?
- Нет, я живу в Москве. Но как бы вам это объяснить... Это долгая история, и я не знаю, если у вас время, чтобы...
- Время есть. Что вы! Мне очень интересно. Вы меня заинтриговали.
- В таком случае, давайте познакомимся. Меня зовут Максим.
- А я Нина.
- Очень приятно. Вы понимаете, Нина, я однажды получил письмо из будущего...
- Из будущего?
- ...верней, из прошлого. Одним словом, это было письмо моего отца, который написал его в далеком прошлом в расчете на то, что, когда я вырасту, я смогу правильно оценить его и понять.
- Очень интересно.
- Отец у меня хирург. Он когда-то воевал под Москвой, а потом долгие годы прожил на Урале, в поселке Нижние Дворики, слышали про такие?
- Нет, никогда.
- Так вот, он написал мне, что, когда я вырасту и, главное, он подчеркнул это, главное, когда я смогу по-настоящему понять и оценить его мысли, я должен буду приехать в Одинцово, найти вот эту рощицу и поклониться ей. А еще лучше какой-нибудь пораженной молнией березке, пусть даже пню, и иногда приезжать сюда, постоять около березки, поблагодарить ее...
- Но почему именно сюда? – не поняла Нина.
- В том-то и дело. После страшной мясорубки под Москвой отец работал в военном госпитале в Одинцове и часто приходил как раз сюда, вот в эту рощицу (он мне нарисовал ее), и именно здесь, буквально, наверное, на том самом месте, где мы сейчас стоим, он принял твердое (а лично для меня судьбоносное) решение: на свет должен появиться я, его сын, его продолжение.
- Как, один? Без мамы?
- Почему без мамы? – улыбнулся Максим. – Моя мама, жена отца, работала в том же госпитале, официанткой.
- Так, понятно... Но при чем здесь роща-то?
- Вам приходилось когда-нибудь принимать ответственные решения?
- Да я как-то всё по-простому... Точней, живу, как дура, вот такие и решения принимаю.
- Ну, что вы наговариваете на себя? – стал защищать ее Максим. – А суть моей мысли такова: вы должны поклоняться чему бы то ни было, но поклоняться. Я поклоняюсь роще, потому что благодаря именно ей я появился на свет. Вот и всё.
- Значит, и я тоже могу быть идолопоклонницей?
- Про вас не знаю ничего. В наше время быть идолопоклонником непросто. Раньше притесняли за веру, а теперь вот и нам нелегко.
- А где же ваша мама?
- Мама умерла. И отец тоже. Но они не жили вместе. После развода мама воспитывала меня одна. Мы с ней жили в Свердловске, а отец в Нижних Дворицах. Она работала официанткой в ресторане «Большой Урал». Бывали в «Большом Урале»?
- Да я вообще на Урале никогда не была.
- Жаль. А у меня есть мечта...
- Какая?
- Когда-нибудь перебраться на веки вечные в Нижние Дворики. Поближе к отцу. Так получилось: я никогда не видел его.
- Как же это? – не поняла Нина.
- А так, что мать воспитывала меня в ненависти к отцу: мол, бросил нас. А там совсем другая история... И вот, представьте, я получаю из будущего письмо... верней, из прошлого,

от отца, где он пишет всю правду. Но до этой правды мне нужно было дорасти. И вот потому я здесь. Вот в этой роще. Поклоняюсь березке...

– Ой, какие бывают интересны люди! Я никогда таких не встречала. А можно вас пригласить на чай?

– На чай? – улыбнулся Максим. – А вы не боитесь меня?

– Вообще-то сейчас многое что происходит. Но вам я как-то доверяю. Если честно, я еще никогда не встречала человека, который бы вот так просто и ясно сказал: я идолопоклонник! Все чего-то темнят, скрывают, приукрашивают себя, одних верующих развелось, с ума сойти можно. А вы не такой. Поклоняюсь березе – и всё! Здорово!

– И солнцу поклоняюсь. И воде. И рассвету. И женщине, – улыбнулся он в который уже раз открытой и чистой своей улыбкой.

Вот так они познакомились. В то время Максим Котов еще не работал с Антоном Ивановичем, верней, был на перепутье: уходил из одной компании и устраивался как раз к Антону Ивановичу, в «Департамент немедленного рецензирования».

– Кстати, вы кто по специальности? – спросил Максим у Нины.

– Я? Строитель. Но сейчас, как говорят в шутку, временно постоянно не работающая.

Максим рассмеялся:

– Остроумно. Но если серьезно, я, пожалуй, могу помочь вам.

– Правда?

– Есть одна компания. Сейчас я оттуда уйду, но вас могу порекомендовать. Работа нетрудная и денежная.

– Разве остались еще такие? – кокетливо рассмеялась и она. – Ну да ладно, заболтала я вас, вот мой дом, заходите, заходите...

«Кто сегодня первый придет, того и поцелую!» – капризно решила Елена Михайловна. И не успела она до конца прочувствовать свое решение, как в Академию явился собственной персоной писатель Баженов.

– Георгий Викторович! Здравствуйте, здравствуйте, – заворковала Елена Михайловна. – Вы не поверите, но вам сегодня шикарно повезло...

– ...премия? повышенный гонорар? выдвижение в лауреаты?

– Фу, какая грубая фантазия! Нет, Георгий Викторович, совсем другое. – И Елена Михайловна, грациозно поднявшись со стула, натурально обняла писателя Баженова и поцеловала его долгим, нежным, страстным поцелуем прямо в губы. При этом две сестрички ее, две двойняшечки, заходили ходуном и ласково прижались к нему, как самые близкие чуткие родственницы.

– Ах, Георгий Викторович, старый вы ловелас, – прошептала Елена Михайловна. – Как, оказывается, вы хорошо умеете целоваться.

– Правда?

– Я вообще заметила: писатели очень хорошо целуются.

– А вы многих из них знаете?

– Я знаю одного, но зато какого – Георгия Баженова! – со смехом воскликнула Елена Михайловна.

– В таком случае, Леночка, вам презент! – И как бы из ниоткуда, а может, из кармана, а может, Бог его знает еще откуда (Баженов частенько показывал Елене Михайловне карточные фокусы, которые своей загадочностью и замутнённой привели ее в искренний восторг!), перед лицом Елены Михайловны затрепетали три красочных лотерейных билета.

– Что это?

– Леночка, это судьба! Я бы сам воспользовался ею, но решил вручить ее вам. С судьбой не спорят и не шутят. Ее покорно принимают. – И он с легким поклоном протянул ей неожиданный подарок.

– Но что же это?!

– Это билеты «Бинго»! Каждое воскресенье разыгрывается счастье человека и вы можете стать обладательницей жар-птицы.

– Ах, Георгий Викторович, какой жар-птицы! Но спасибо вам, спасибо, дорогой, спасибо, мой сладкий! – И она вновь прильнула к его губам долгим и страстным поцелуем.

Баженов, конечно, не сопротивлялся.

– Но постойте, – вдруг вспомнила Елена Михайловна, – «Бинго», «Бинго»... Ведь в этой конторе, кажется, работает краля нашего Максима.

– Какая краля?

– Да неужто вы не знаете, Георгий Викторович? Вот всегда так: писатели, как мужья о женах, все важные новости узнают последними. Ну эта его, худенькая, как ее... Нина! Точно, она в «Бинго» работает. Вот хохма будет, если я выиграю! Я им там всем нос утру.

– Непременно выиграете, Елена Михайловна. Ну, а как там для меня? Есть что-нибудь на сегодня?

– Для вас, Георгий Викторович, всегда найдется. Вот, смотрите, куча рецензий на редактуру!

– Спасибо.

– Кстати, оплата через неделю. Не забывайте. И вот что еще... Давно хотела вас спросить: знаете, например, почему я до сих пор ни одного вашего произведения не прочитала?

– Неужели ни одного? – удивился Баженов, хотя знал: точно, ни одного.

– Ни одного. Вам обидно?

– Я завидую вам, Леночка. У вас впереди столько радости и удовольствия от чтения.

– Вы всё шутите, а я серьезно. Так знаете, почему? Потому что о вас никто не говорит. Ни одна живая душа. А секрет жизни знаете?

– Какой именно?

– А такой, что скромность – кратчайший путь к забвению. Надо кричать о себе, надо требовать, надо топтать ногами, надо скандалить наконец! Ну, идите сюда, бедный вы мой, я вас пожалею... поцелую... – И она в самом деле, такая игривая и ненасытная, опять стала целовать его страстно и всерьез. – Так и быть, Георгий Викторович, беру над вами шефство. Буду таким рупором, что о вас даже под землей услышат. Согласны?

– Под землей не надо. А вообще – согласен.

– Ну и договорились, милый... милый вы мой... дайте я вас...

Часть вторая

Какой – такой – никакой

Однажды Антон Иванович понял простую истину: воевать нужно только тогда, когда знаешь наверняка – выиграешь. Да, конечно, в пылу гнева и раздражения он не раз возмущался и предрекал: «Ох, кончится это плохо, кто-нибудь да прибьет эту псину!» Или: «Точно, не выдержит, я тебе обещаю (говорил он жене Марине) – выбросится псина из окна!» И многое другое еще говорил жене. Например, такое:

– Ты понимаешь, больше всего на свете меня удивляет, как этот Тимур Терентьевич никого не боится.

– А кого ему бояться?

– Ну откуда ему знать, что мы нормальные люди? Вдруг мы как раз такие, что он к нам в квартиру, а мы ему гирей по голове? Или, в лучшем случае, пинка под зад!

– Он чувствует. Он за версту чувствует, какие мы люди.

– Нет, попомни мои слова. Он когда-нибудь нарвется... Он же на машине ездит, а на дорогах молодежь сейчас разбойники. Где какая закавыка, они ему голову оторвут.

– Он прокурор. Он никого не боится.

– Да какой он прокурор? Это он раньше был прокурор. А теперь какой-то там народный заседатель или присяжный поверенный.

– Это одна мафия.

– Нет, в самом деле, меня это поражает. Кругом одни головорезы, ну хотя бы друг друга должны остерегаться (на всякий случай), а они никого не боятся, прут на рожон и всё.

Но рассуждать, предрекать и анализировать – это одно, а жить, когда над головой у тебя то воют, то лают, то стучат по ночам колотушками, то грохочут по утрам каблуками по паркету, совсем другое. И еще до того, как Антон Иванович поменял свое восприятие (ибо, если не можешь чего-то изменить, меняй себя, свое восприятие), еще до того, как он полюбил собачий лай и вой и стал воспринимать их как высокую и глубокую песню души, он решил неожиданное: пойти к соседям самому и познакомиться поближе. Взял бутылку шампанского, спросил у Марины:

– Пойдешь?

– Ни за что!

– Ну, тогда я один.

– Смотри, как бы не вылетел от них, как вот эта пробка от шампанского. – Она ткнула пальцем в пузатую бутылку.

– Все может быть...

Тем не менее Антон Иванович храбро отправился в поход.

Тимур Терентьевич, конечно, такого оборота не ожидал:

– Ну, чего надо? – был первый его (и, казалось ему, закономерный) вопрос.

– Пришел поговорить... а вообще, вы знаете, – затараторил Антон Иванович поспешно, чтоб сосед не успел его прервать, – мне собака ваша очень понравилась.

– Врешь!

– Честное слово.

– С каких это пор?

– Да вот я как-то вслушался в ее голос и понял: необыкновенная собака. Честное слово. (С тех пор так и пошло в действительности: он вслушался и, в самом деле, кое-что понял в ее голосе.)

Тимур Терентьевич буравил соседа недоверчивым взглядом, потом снизошел:

– Ну что ж, проходи, учитель.

– Я не учитель.

– Это все равно. Вы все для меня на одну колодку – учителя.

Антон Иванович протянул соседу бутылку шампанского, но не удержался, спросил:

– Почему? Почему учителя?

– Вот так сразу тебе все и Расскажи... Тоня, к нам учитель. Накрой там на кухне!

Как будто тень какая-то метнулась из одной комнаты в другую (кажется, она даже кивнула Антону Ивановичу: здравствуйте, мол), но голоса никакого не было.

– Квартиру смотреть будешь?

– Зачем? – удивился Антон Иванович.

– А у людей мода такая: сначала квартиру обсматривают, а потом учат как жить: там поставить, тут убрать, здесь передвинуть. Но у меня с этим строго.

– В каком смысле?

– Чего в каком смысле?

– В каком смысле «строго»?

– А в таком, что смотреть нечего. В спальне кровать и тумбочка. В столовой стол и диван. У сына кушетка и компьютер. На кухне холодильник, плита и «уголок». Всё.

– Гм, по-спартански живете, – в самом деле удивился Антон Иванович.

Прошли на кухню; тут, действительно, всё так и было, как обрисовал сосед. За плитой колдовала хозяйка, жарила яичницу. Что заметил Антон Иванович: была она на высоченных каблуках, как говорят на шпильках-гвоздиках, так что цокот был в самом деле, будто табун по паркету мечется.

– Что-то я забыл, как тебя зовут?

– Антон Иванович, – услужливо (надо же: именно так и отметил он про себя – услужливо) подсказал Антон Иванович.

– Так вот, Тоня, это учитель, а это моя жена Антонина Ивановна, по-простому – Тоня.

Тоня (Антонина Ивановна) обернулась от плиты, улыбнулась Антону Ивановичу. Но какая это была улыбка! Необыкновенная в своем роде: тихая, грустная, с затаённой безуминкой в глубине и горестной покорностью. Такую же затаенную безуминку в глубине, в таких же охро-золотистых глазах заметит со временем Антон Иванович и в глазах собаки Бинго, и это его в самом деле поразит до глубины души: ну, надо же!

Уселись за столиком (за так называемым «кухонным уголком»), причем Антонина Ивановна, поставив угощение, сразу и вышла, напоследок выслушав распоряжение Тимура Терентьевича:

– Ты Бинго у Митьки запри; чтоб не метался по квартире, не мешал нам.

(Вот так, пока они сидели на кухне, Бинго и лаял, и лаял в комнате их сына, надрывался, бедный, и просился на волю. А Антонину Ивановну вообще не было слышно, будто растворилась она в пространстве квартиры.)

– Я шампанское не пью. Только водку, – показал на запотевшую бутылку «Русской» Тимур Терентьевич. – А ты как хочешь.

– Ну, а я шампанского немного... Мне еще на работу сегодня.

– В школе работаешь?

– Нет, в Департаменте немедленного рецензирования.

– Это одно и то же. Школы, департаменты, колледжи... Расплодилось вас, как драных кошек. Прордых нет от учителей жизни.

Антон Иванович пил шампанское, хозяин водку. Причем на столе, кроме яичницы, репчатого лука и грубо порезанного черного хлеба, ничего не было.

Тимур Терентьевич пил водку из стакана, но не пьянел, только как бы стеклянел взглядом да грозно хмурился.

– Ты думаешь, учитель, я не знаю, чего ты пришел? Да все вы живете и дрожите, как суслики в своих норах. Распустили вас, как последних тварей, а внутри вы все равно трепещете. Знаю я вас! – погрозил он толстым, с заусеницами, пальцем. – А я прокурор, я военный прокурор, понял? И я жду своего часа, он придет. Посмотрю я тогда, как вы прыгать будете. Такой бардак развели, что вечность не разгребешь. Чего вот ты все ходишь, ноешь, жалуешься, звонишь?

– Да я не жалуюсь. Наоборот. Я хочу, чтобы мы поняли друг друга.

– Поняли! Чего тебя понимать, таракана? Взять и одним ногтем раздавить. Но это я не про тебя лично, учитель, не обижайся. Ты мне становишься любопытен. И боишься – и лезешь. Надо же. Я, может, тебя еще в подмастерья возьму. Посмотрим на тебя, поглядим.

– Какие подмастерья?

– А такие... Когда чистить конюшни начнем, нам всякие людишки понадобятся. И учителя тоже. И вообще разные... Не бойся, со мной не пропадешь, замолвлю за тебя словечко.

– Ну, спасибо, – на всякий случай поблагодарил Антон Иванович.

– А вообще, думаю, нам своими силами не справиться. Как бы инопланетян не пришлось приглашать.

– Вы это серьезно?

– Что сейчас может быть серьезным, учитель? Про инопланетян это я так, конечно, к слову, а вообще... разные нам нужны будут силы, хоть с других планет бери, чтобы порядок навести. Вот тебе нравится эта жизнь?

– Да как сказать...

– Вот все вы так: мямлите да мычите... Ладно, знаю я, что ты трус, да где вас других взять?

– Не совсем понимаю вас, Тимур Терентьевич. Я ведь не учитель, совсем не учитель, вы ошибаетесь, но дело не в этом: я просто сосед ваш, и мне бы хотелось, чтобы мы понимали друг друга и жили мирно, спокойно и тихо.

– Никогда я тебя не пойму! Не нужен ты мне такой. Вот такой не нужен!

– Какой такой?

– А такой... никакой... вот какой! Тихий да мирный да еще и хитро услужливый. Тьфу на тебя!

– Я на вас не обижаюсь. Знаете почему? Потому что истин много, и ни одна не истинна до конца. А жизнь одна. Понимаете? Это не истина одна, а жизнь одна, вот в чем соль-то.

– Раскукарекался. Истина. Жизнь. Научились словам. Блудите всё, учителя поганые, а кто порядок наводить будет?

– Порядок порядку рознь, хотя в принципе я с вами согласен.

– С чем именно? С каким принципом конкретно?

– А с тем, что с порядком лучше, чем с беспорядком.

– И это говоришь ты, учитель?

– Я.

– Ты, который развел бардак в этой жизни до самой распоследней степени, а теперь еще и жалуешься?

– Я не жалуюсь. И бардака я не разводил. Моя специальность, знаете, какая?

– Ну, и какая же?

– Давать оценку происходящему. Только и всего.

Тимур Терентьевич не на шутку вытаращил глаза и вдруг так расхохотался, что пес Бинго (там, в комнате сына) с перепугу даже перестал лаять.

– Давать оценку происходящему! Давать оценку! Да кому она нужна, твоя оценка? Вот твоя жизнь – она нужна для дела. Для дела нужна жизнь человеку, а не для оценки происходящего. Понял, учитель?

В таком роде они долго еще беседовали, наконец Тимур Терентьевич подустал от соседа, сказал:

– Ладно, договоримся так: ты ко мне не приходишь – я тебя не видел, ты не жаловался – я тебя не слышал. В остальном я подумаю о тебе.

– Но в гости-то хоть вас можно пригласить?

– Я в гости не хожу. Запомни это, учитель. А уж если прихожу, то без всякого приглашения. Да, и вот что еще. Тебе не кажется, что жена у тебя полная дура?

– Жена моя, Марина Михайловна, наоборот, большая умница.

– Ну, да это одно и то же. Так вот передай жене: ходила Тонька на каблуках по квартире, ходит и будет ходить.

– Назло, что ли?

– Оказывается, ты сам дурак, учитель! А говоришь, жена умная. Ты хоть знаешь, что такое мечта человека?

– Любой знает, что это такое.

– Любой да не каждый. Ты как раз из них. Есть у человека мечта детства: носить туфли на высоком каблуке. Вот она и носит. И будет носить. Я, учитель, если и уважаю что, так это мечты детства.

– Только детства?

– Только. Потому что в детстве человек настоящий. А вот ты насквозь лживый. И хитрый. Но... – перешел на шепот Тимур Терентьевич.

– Что «но»? – тоже шепотом заговорил Антон Иванович.

– Скажу тебе откровенно: и я такой же! Еще хуже тебя! Хуже, но лучше! Вот такой-сякой-разэтакий. Понятно тебе, учитель?

– Понятно, но непонятно! – рассмеялся (ишь, осмелел) Антон Иванович, и Тимур Терентьевич одобрил его смех всепонимающей ухмылкой.

На этом они расстались. Но худо ли, бедно знакомство состоялось. И Антон Иванович еще раз убедился в правоте своей мысли: воюй только тогда, когда можно победить. А так живи мирно.

Прежде чем уехать с работы, Елена Михайловна решила один билет «Бинго» передать Антону Ивановичу. Все-таки сегодня день рождения их Академии; даже трудно представить, что когда-то они начинали с крохотного «Отдела по сортировке и стандартизации отзывов», затем было многое другое, в том числе «Департамент немедленного рецензирования», а теперь просто и со вкусом – «Академия рецензирования». И благодаря кому возникло это детище? Конечно, Антону Ивановичу. Вот почему с таким любовным трепетом прикрепила Елена Михайловна на двери шефа золотую табличку:

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
ГУДБАЙ А. И.

А билета «Бинго» не жалко. Наоборот. Антон Иванович достоин большего, но пусть хоть этот скромный подарок покажет ему, что его в Академии любят и уважают.

Елена Михайловна положила билет «Бинго» шефу на стол, приписав на красивой открытке: *«Антон Иванович! Поздравляем Вас с днем рождения Академии! И с Президентством! А это наш скромный подарок. Обнимаем. Ваши сотрудники».*

Гм, сотрудники... Конечно, можно было бы еще один билет подарить Котову, и Елена Михайловна уже потянулась в сумочку за билетом «Бинго», но тут она вовремя вспомнила, что краля Максима работает, кажется, как раз в этой компании, так что Максим, пожалуй, перебьется и так. Есть у него худенькие ухажерши, пусть они и ублажают его. Правильно? Правильно! – улыбнулась Елена Михайловна.

И в прекрасном настроении она закончила этот рабочий день и поехала в Вешняки, к подруге Марии Поднебесной.

Скандал назревал постепенно, но в конце концов прорвался, и самое неожиданное для Нины было то, что не Настя, девчонка, а Роман, взрослый сын, восстал против матери. С Ромой у нее были самые нежные, самые доверительные отношения, он всегда и во всем помогал матери, нянчился с Настенкой, когда та была маленькая, водил ее в ясли, в сад, был и за мать, и за отца, и за сиделку, когда она болела, был, можно сказать, самым лучшим, самым близким и доверительным другом матери, и вдруг все пошло наперекосяк: – Или я, или твой Максим!

Ей казалось, сын ревнует ее к Максиму, но совсем не ревность мучила Романа, а мучили его боль и стыд за мать, мучила та униженность, в которой она пребывала, мучило то двусмысленное положение, на которое обрек ее Максим: ни жена, ни невеста, а так... удобная для утех и развлечений наложница. И как только матери не стыдно, как не больно, как не противно ей собственное положение! И особенно как может она все это делать на глазах у детей, какое имеет моральное право на это, она, их мать, которую они всю жизнь обожали и боготворили?!

– Ты не понимаешь, Рома... ты не понимаешь, – безутешно плакала Нина.

– Я все понимаю! Все! Думаешь, я не вижу, как этот бугай пользуется тобой? Твоей добротой? Нежностью, теплотой, заботой? Нашей квартирой наконец?

– Я люблю его. Пойми, я люблю его.

– Да как ты можешь любить его?! Ты посмотри на него. Какой он там язычник, какой идолопоклонник, на нем дрова возить можно, а он ходит кланяться березке: папа, видите ли, ему это завещал. Да ты вдумайся, вслушайся, что он говорит: это бред какой-то, бред сивой кобылы. Ну ладно, я еще могу понять: можно увидеть за этим правду, красоту, истину, добро, но ведь он живет совсем не так, как говорит. Он все врет! Он поучает нас, как жить, меня – как учиться, как быть мужчиной, Настену – как мыть посуду, какой быть будущей матерью, а сам при этом сидит в нашем доме (в чужом для него доме!), пьет вино, закусывает огурчиком, разглагольствует о мировом зле, и все это непонятно в каком качестве – не один, не два, а уже несколько лет, а ночью (извини меня, мама!), как паук, утаскивает тебя в другую комнату и пьет, и пьет из тебя кровь (извини, прости, мама, мамочка, но у нас такое складывается ощущение), и все твои извинительные улыбки, нервность, стыд, угодливость, о, нам стыдно, больно, больно, мама, за тебя, за нас, за человеческую наконец гордость!

Но что она могла объяснить сыну? Все правда, что он говорит, все правда, но как рассказать, как передать ему то, что составляет самую глубину ее страдания, самую заветную и потаённую ее мечту... Ради этой мечты, ради этой выстраданной (и взлелеянной одиночеством и женским отчаянием) правды она готова была терпеть и терпеть, вот только никак не ожидала, что дети поднимут бунт.

Как понять им, что еще никогда, ни разу в жизни, она, зрелая, красивая, сорокалетняя женщина, не была замужем, никогда не знала и не ведала, что это такое – быть под защитой мужского крыла, никому на свете она не могла и признаться (тем более детям), что хочется, очень хочется, мечтается стать именно *законной женой*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.